
ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

«ПРИПАСЫ», ИЗ КОТОРЫХ «ПОЧЕРПАТЬ ДОЛЖНО ИЗВЕСТИЯ»: ПОНЯТИЕ «ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК» В ТРУДАХ ИСТОРИКОВ XVIII В.

Н.Г. Георгиева

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-1, Москва, Россия, 117198

В.А. Георгиев

Кафедра истории России XIX – начала XX в.
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ломоносовский проспект, 27-4, Москва, Россия, 119992

В статье рассмотрен процесс внедрения понятия «исторический источник» в понятийно-терминологический аппарат исторической науки в XVIII в. В первой половине XVIII в. слово «источник» подразумевало начало чего-либо. Поэтому оно не употреблялось историками для обозначения исторических материалов, лежавших в основе их трудов. В 1750 г. Г.Ф. Миллер заложил основу трансформации семантики этого понятия: «источник» – это то, из чего «черпают известия». В начале XIX в. А.Л. Шлецер окончательно закрепил за понятием «источник» функцию носителя информации – все, откуда можно получить исторические сведения.

Ключевые слова: исторический источник, В.Н. Татищев, Г.Ф. Миллер (G.F. Müller), Х.А. Чеботарев, И.И. Голиков, М.М. Щербатов, И.Н. Болтин, А.Л. Шлецер (A.L. Schlözer), Н.М. Карамзин, В.О. Ключевский.

Историки легко и свободно оперируют термином «исторический источник», но редко ставят вопрос о том, когда и как он появился в понятийно-терминологическом аппарате исторической науки. Между тем выработка дефиниции «исторический источник» – одна из сложнейших теоретико-ме-

тодологических проблем источниковедения. Над ее решением трудились многие отечественные и зарубежные историки вплоть до конца XX столетия. Она сохраняет свою актуальность и в наши дни (1). Поэтому обращение к истокам отечественной исторической науки и к началу процесса выработки понятия «исторический источник» может стать дополнительным стимулом для активизации дальнейших теоретических поисков историков.

Сразу оговоримся, что в русском языке до конца XVIII в. под «источником» понималось начало чего-либо (реки, например) (2), но для современного историка исторический источник не столько начало, сколько основа и средство исторического познания, а для источниковеда – объект специального исследования с целью оценки его роли в процессе исторического познания.

В связи с этим потребность самопознания науки – естественная для каждого ученого в любой отрасли научного знания – обуславливает постановку цели в данной статье: реконструировать процесс внедрения понятия «исторический источник» в понятийно-терминологический аппарат исторической науки и ее отдельной отрасли (источниковедения).

В XVIII в. на основе накопленных в предшествующий период исторических знаний и смены провиденциально-прагматической методологии на рационалистический подход к объяснению прошлого произошло качественное изменение – начался процесс становления исторической науки. Это вызвало и новое отношение исследователей к источникам. Практически стихийное накопление источников государственными и общественными деятелями постепенно сменялось на целенаправленное, организованное их собирательство, с попыткой систематизации и изучения. Этот процесс хорошо изучен отечественными историографами, раскрывшими роль отечественных просветителей, ученых и общественных деятелей в сохранении исторических источников и формировании источниковой основы исторической науки (3).

На первом этапе формирования отечественной исторической науки любители древностей не ставили перед собой специальную задачу формирования ее понятийного аппарата и, в частности, отыскания термина, объединяющего в одну категорию разнообразные материалы, необходимые для воссоздания прошлого. Слово «источник» как термин, характеризующий основу исторического познания, не вошел еще в лексикон авторов исторических сочинений, большая часть которых создавалась на интуитивно-эмпирическом уровне.

В XVIII в. большой вклад в собирание и приведение источников в известность, в их дальнейшее изучение и использование внесли В.Н. Татищев, Г.Ф. Миллер, М.М. Щербатов и А.Л. Шлецер. Каждый из них целенаправленно не выделял особой задачи решения теоретических проблем источниковедения, но на практике – при публикации источников и создании трудов по истории России – они постоянно сталкивались с необходимостью специальных источниковедческих исследований. Раздел с характеристикой использован-

ных материалов, названный «Предъизвещение», впервые появился в «Истории Российской с самых древнейших времен» В.Н. Татищева (с тех пор и до сего времени обзор использованных источников стал обязательной составной частью практически всех исторических сочинений последующих авторов). Осознание подобной потребности свидетельствовало о новаторстве историка и предопределило его место в истории отечественной исторической науки.

Создатель «Истории Российской...» – Василий Никитич Татищев (1686–1750) – вошел в историю русской исторической науки как ее «отец», так как его труд стал одной из первых работ, в которых история России рассматривалась с новых – рационалистических – методологических позиций.

Как подлинный патриот, В.Н. Татищев считал, что воссоздание на основе выявленных им исторических источников истории России – одно из главных направлений его деятельности. Для его выполнения всю свою жизнь он разыскивал исторические материалы в государственных, монастырских и частных архивах в разных городах и странах, в которых ему довелось побывать по делам службы. Результаты поисково-собирательской работы позволили ему в 1740 г. составить проект публикации большого списка документов: «русских древностей», духовных и других грамот великих князей. Им были открыты и подготовлены к изданию Краткая редакция Русской Правды, Судебник царя Иоанна (1550 г.) и «Степенная книга», однако опубликованы они были после смерти В.Н. Татищева благодаря археографической деятельности Г.Ф. Миллера.

Пятитомная «История Российская...» В.Н. Татищева насыщена разнообразными письменными источниками. В них входили: летописи, древнерусские сказания, жития, записки, чины венчания на царство, свадебные разряды, Четвы-Минеи, прологи, дипломатические бумаги, акты и многое другое. В.Н. Татищев особенно гордился тем, что некоторые источники имелись в его библиотеке в разных вариантах, позиции авторов которых не совпадали. Часть из этих материалов по разным причинам не дошла до нашего времени, но многие современные исследователи не видят оснований для сомнений в их подлинности и достоверности так называемых татищевских сведений о бывших в его руках исторических источниках. Хотя были (начиная с Н.М. Карамзина) и ныне существуют историки, критически относящиеся к «татищевским известиям» (4).

Приступая к написанию «Истории Российской...», В.Н. Татищев ставил две цели:

1) собрать исторические материалы и изложить их информацию в соответствии со сложившейся летописной традицией;

2) сопоставить («увязать») русскую историю с зарубежной (византийской, западной и восточной) (5).

С одной стороны, цели В.Н. Татищева имели исторический, а не источниковедческий характер, так как выявление и обобщение источников было подчинено восстановлению реалий российской истории.

С другой стороны, в процессе выполнения своих целей В.Н. Татищев проявил себя как *первый отечественный источниковед*. Он не только вел в научный оборот массу источников, но и систематизировал их. Особую ценность имел созданный им комментарий к источникам. Его *метод* сведения воедино свидетельств разных редакций древнерусских летописей и сказаний, хроник на латинском и шведском языках путем сравнения, сопоставления и оценки их информации фактически *прокладывал дорогу* для становления научной критики источников и, следовательно, *открывал новый этап* в истории источниковедения. Характерной чертой этого этапа стало не только введение источников в научный оборот (эмпирический уровень научно-исторического познания), но и в процессе их анализа возникновение интереса к постановке теоретических вопросов источниковедения.

Прежде всего, по мнению В.Н. Татищева, познание истории невозможно без достаточной источниковой основы, и поэтому считал обязательным выявление и критический анализ всех «надлежащих документов», необходимых историку для построения его труда. Это было принципиальное положение, на которое опиралась вся творческая лаборатория историка. Он даже полагал, что работа историка и строителя очень похожа – каждый из них должен уметь «разобрать припасы годные от негодных» (6).

Таким образом, не ставя теоретического вопроса об объекте источниковедения, тем не менее он, разыскивая источники и приводя их в известность, немало сделал для его пополнения. Отметим, что сам В.Н. Татищев основное свое внимание сосредоточил на изучении письменных материалов – как он говорил, «манускриптов», хотя и не отрицал значения устных материалов.

В.Н. Татищев не занимался поиском термина, который позволил бы объединить разные использованные им исторические материалы в одну единую категорию. Он называл их «припасы», «свидетельства», «предания», «манускрипты», «документы», «записи», «повести», «основания» (7).

По словам Л.Н. Пушкарева, «определения понятия “исторический источник” мы у него не находим» (8), но вряд ли это можно ставить в упрек историку, работавшему в 1720–40-х гг.

Привычное историкам новейшего времени слово «источник» В.Н. Татищев много раз использовал в том значении, как это было принято в XVIII в. Лишь один раз он упомянул данную морфему, но в переносном смысле – речь шла об источнике происхождения народа (9).

Следовательно, состояние терминологического аппарата у «отца» русской исторической науки было таким же, как у большинства его современников, историков первой половины XVIII в.

В конце 1740-х гг. В.Н. Татищев начал переговоры с Петербургской АН об издании своей книги, однако она увидела свет лишь после смерти автора и благодаря усилиям Г.Ф. Миллера.

Герард Фридрих Миллер (1705–1783) приехал в Россию в 1725 г. В результате своей обширной научной деятельности он стал академиком и круп-

нейшим для своего времени знатоком российской истории. Он первым в России получил звание официального историографа (1748), что давало ему право заниматься исключительно историческими исследованиями, открывало доступ в архивы и свидетельствовало о признании его заслуг. Во время Сибирской экспедиции (1733–1743 гг.) и в последующие годы Г.Ф. Миллер собирал письменные документы, данные фольклора и предметы быта, информацию которых он активно использовал в своих исследованиях. Среди письменных источников в центре его внимания были не только летописи, но и различные акты, которые до него почти не изучались.

Известные историкам «портфели Миллера» (основная часть материалов которых до сих пор не издана) представляли собой богатейшую коллекцию копий актов XVI–XVII вв. Ценность этого собрания особенно велика, так как подлинники многих актов к настоящему времени утрачены из-за небрежности хранения, неблагоприятных климатических условий и политических обстоятельств.

Таким образом, несомненны заслуги Г.Ф. Миллера в плане *типологического* и *видового* расширения источниковой основы исторических исследований, так как объектом его изучения являлись источники разных типов и видов. Его эвристическая и археографическая деятельность способствовала сохранению и приведению в известность многих ранее неизвестных источников и историко-географических сочинений. Он опубликовал: «Ядро российской истории» А.И. Манкиева, «Историю Российскую...» В.Н. Татищева, Судебник 1550 г., «Книгу степенную царского родословия», письма Петра I генерал-фельдмаршалу Б.П. Шереметеву, «Описание земли Камчатки» С.П. Крашенинникова, «Географический лексикон Российского государства» Ф.А. Полунина, которому Г.Ф. Миллер помогал не только как издатель, но и как составитель.

Как и В.Н. Татищев, Г.Ф. Миллер свои исследовательские очерки предварял обзором использованных источников, закладывая традиционную схему построения исторического труда.

В предисловии к «Истории Сибири», 1 том которой был опубликован в 1750 г., Г.Ф. Миллер закладывал *основу деформации* семантики понятия «источник». Он указывал, что «всех источников вычерпать не мог», и раскрывал содержание тех «источников, из которых сам почерпал» (10). Для него источником являлось все, что содержало информацию по интересовавшему его сюжету, т.е. он не разделял собственно исторические источники и построенные на них труды предшествовавших авторов.

Г.Ф. Миллер специально не ставил задачи выработки понятия «исторический источник» и поэтому в своем важнейшем труде «История Сибири» не вдавался в теоретико-терминологические рассуждения. Тем не менее, он трижды употребил слово «источник», обозначая им то, из чего «*черпают*» (получают) сведения. Здесь он отошел от терминологических традиций своего времени, о которых упоминалось выше, но в то же время, вслед за

В.Н. Татищевым, для обозначения своих источников использовал термины «свидетельство», «письменные памятники», «материал», «основания», «известия», устные «предания и повести» (11).

Таким образом, единого термина с четким объяснением того, что собой представляет «исторический источник», Г.Ф. Миллер не выработал. Заметим, что, возможно, интуитивно введенная им в 1750 г. лексическая модель «источник» – «кладезь сведений» – прецедентов в отечественной исторической литературе первой половины XVIII в. не имела и не приобрела значения терминологической константы. Однако важно подчеркнуть учащение практики использования слова «источник» в указанном смысле, так как это прокладывало ему дорогу в понятийно-терминологический аппарат источниковедения.

В целом, оценивая значение деятельности Г.Ф. Миллера для развития источниковедения, отметим, что он ввел новое употребление слова «источник» как синонима понятия «носитель информации» (если использовать современную терминологию). Для середины XVIII в. предложение Г.Ф. Миллера было большим шагом вперед в процессе складывания российского понятийно-терминологического аппарата источниковедения, хотя в собственном творчестве академика применение термина «источник» не стало постоянным. Однако после выхода «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера новое понимание термина «источник» заняло довольно устойчивое место в отечественной исторической литературе.

В современной историографической литературе вклад Г.Ф. Миллера в развитие источниковедения оценивается очень высоко и при этом подчеркивается, что он «впервые показал значение источника во всей широте и объеме... и положил начало его научной критики» (12).

Исходя из цели данной статьи, укажем в числе заслуг Г.Ф. Миллера его попытку внедрения термина «источник» в понятийный аппарат источниковедения.

Однако практическая постановка и решение других теоретических проблем источниковедения в его трудах, в основном, оставались на традиционном для первой половины XVIII в. интуитивно-эмпирическом уровне.

На рубеже 1760–1770-х гг. в теоретико-методической работе историков с историческими источниками начали намечаться некоторые сдвиги. В 1767 г. Петербургская АН опубликовала «Русскую летопись по Никоновому списку». Подготовивший эту публикацию А.Л. Шлецер (подробнее о нем см. ниже) использовал на русском языке термин «источник», понимаемый им (вслед за Г.Ф. Миллером) как то, из чего «черпают» информацию. Он писал: автор летописи «почерпал [сведения] из тех же источников, из которых черпали и все другие летописатели» (13).

В 1769 г. молодой ученый Харитон Андреевич Чеботарев (1746–1815), в будущем – первый ректор Московского университета по Уставу 1804 г., свой перевод на русский язык популярного на Западе учебника И. Фрейера

по всеобщей истории дополнил интересным примечанием, в котором приво-
дил свое определение: «Источниками в истории называются сочинения, ис-
кусными людьми писанные, из которых повествуемые происшествия взя-
ты, и на которых их истинность и справедливость, как на своем основании,
утверждается» (выделено нами. – *Авт.*) (14).

Из этой дефиниции можно сделать три вывода.

Во-первых, мнение Х.А. Чеботарева, что источник – это любой носи-
тель информации, без разделения на собственно исторические источники
(описания, документальные остатки прошлого и т.п.) и исторические труды,
основанные на источниках, не позволяло провести разграничение между
ними. Такое расширенное понимание объекта источниковедения было ха-
рактерно для историков и XVIII, и XIX – начала XX в. (Это положение вер-
но в том случае, если речь идет об историографическом труде, для написа-
ния которого источником являются и сочинения изучаемого историка, и тот
документальный материал, которым он пользовался.)

Во-вторых, дефиниция Х.А. Чеботарева совершенно справедливо ука-
зывала на то, что источники являются основой (основанием) получения дос-
товерной информации для познания прошлого. Это положение становилось
аксиомой для всех историков, профессионально занимавшихся своим делом.

В-третьих, само создание Х.А. Чеботаревым определения понятия «ис-
торический источник» было свидетельством нового шага в процессе форми-
рования понятийного аппарата исторической науки – появилась целенаправ-
ленность, наметился переход от эмпирического уровня научно-историческо-
го познания к теоретическому (15).

Иначе поступил с понятием «исторический источник» Иван Иванович
Голиков (1735–1801), поскольку цель его состояла только в том, чтобы со-
брать и опубликовать документальные свидетельства о деятельности Петра.
Не будучи профессиональным ученым, он не ставил перед собой теоретиче-
ской задачи выработки определения понятия «источник», но уже свободно
пользовался этим термином, поместив его в заголовок своей публикации и
используя как синоним слова «документ» (исторический материал) (16).

Однако у ряда авторов второй половины XVIII в. сохранялся прежний
уровень теоретико-методических и терминологических позиций. В частнос-
ти, это относилось к М.М. Щербатову, еще одному российскому историку,
имевшему звание официального историографа.

Князь Михаил Михайлович Щербатов (1733–1790) был не только бле-
стящим публицистом и известным общественным деятелем своего времени,
но и обладал широчайшими историческими познаниями. Официальное зва-
ние историографа открывало ему свободный доступ ко многим архивохра-
нилищам и библиотекам, к бумагам в архиве Кабинета Петра I (17).

М.М. Щербатов внес значительный вклад в расширение источниковой
основы исторической науки. Он осуществил публикацию «Царственной
книги», «Царственного летописца», «Истории Свейской войны», «Летописи

о многих мятежах и о разорении Московского государства...», пишем и бумага Петра I, первых двух частей его «Журнала или поденной записки...».

Собственное произведение М.М. Щербатова – 18-томная «История Российская от самых древнейших времен» – насыщено огромным количеством источников. Оценивая свой труд, историк считал его «полезным» «собранием и упоминанием толь великого числа памятников» (18).

В круге использованных им источников были письменные и устные материалы, в том числе среди первых – летописи, политические акты законодательного характера и сочинения предшественников. Отметим, что, как и многие его современники, М.М. Щербатов не обособлял исторические источники и исторические сочинения (историографию).

Следуя традиции, заложенной В.Н. Татищевым и Г.Ф. Миллером, М.М. Щербатов в I томе «Истории Российской...» поместил «Предисловие» с обзором использованных материалов. Однако и в данном разделе, и в основной части книги термин «исторический источник» не был им использован. Для обозначения исторических документальных материалов М.М. Щербатов чаще использовал слово «памятник», т.е. то, что осталось от прошлого (19).

Понятийный аппарат М.М. Щербатова отставал от современного ему уровня терминологических представлений историков, хотя он писал свою «Историю Российскую...» в 1770–1780-х гг. и, следовательно, вполне мог знать предложения своих современников.

Вклад М.М. Щербатова в формирование понятийно-терминологического аппарата источниковедения, прямо скажем, был весьма скромным, а его текстологическая трактовка летописей уже у современников вызвала огонь критики. По словам И.Н. Болтина, самого яростного оппонента М.М. Щербатова, он «разных списков летописи между собой не согласил, разбора между ними не учинил, к пониманию разума сказуемого себя не приуготовил» (20).

Через 100 лет В.О. Ключевский в своем лекционном курсе по русской историографии с большой долей иронии говорил: главная заслуга М.М. Щербатова состояла в том, что он написал историю, вызвавшую «полемическое сочинение Болтина, несравненно более важное» (21).

Генерал-майор Иван Никитич Болтин (1735–1792) не был историком-профессионалом и не оставил обобщающих трудов по отечественной истории. Однако как патриот, любитель и знаток древней российской истории он не упускал возможности знакомиться с памятниками старины. Его взгляды по вопросу о роли исторических источников и задачах их изучения ярко отразились в двух его трудах: двухтомных «Примечаниях на “Историю древняя и нынешняя России” господина Леклерка, сочиненных генерал-майором И. Болтиным» (1788), и «Критических примечаниях генерал-майора Болтина на первый и второй тома “Истории” князя Щербатова» (СПб., 1793–1794).

Произведения И.Н. Болтина были инициированы, в первом случае, его неприятием недобросовестности и враждебности к России у Леклерка (22), а

во втором – ошибочным прочтением источников М.М. Щербатовым. Фактически его книги – первые в истории отечественной науки историографические работы.

Внес И.Н. Болтин свой вклад и в разработку терминологического аппарата источниковедения. В его трудах встречается термин «источник», например, когда он говорил о том, что для создания исторического труда следует собирать «известия» из материалов отечественного происхождения («домашних источников»), а также «из чужестранных источников и летописцев» (23). Всем этим источникам он уделял особое внимание, считая, что только их тщательное изучение создает возможность подлинно научного познания.

Таким образом, его трактовка слова «источник» выходила за рамки того понимания, которое, судя по Академическому словарю, было типично для его современников. У И.Н. Болтина понимание значения слова «источник» близко к миллеровскому: источник – это то, из чего «черпают» сведения, т.е. это средство получения исторической информации.

Повторяя иногда терминологию В.Н. Татищева, которого И.Н. Болтин боготворил, он наполнял ее новым содержанием и предлагал свое видение татищевских терминов. Например, у В.Н. Татищева слово «припасы» имело характер метафоры. И.Н. Болтин подразумевал под «припасами» информацию, которую извлекают, «черпают... из самого источника» (24).

В работах предшественников для обозначения исторических источников часто использовалось слово «остатки» в смысле археологического или лингвистического следа. И.Н. Болтин дополнил семантическое значение этого слова и ввел понятие «письменные остатки». Ими охватывались исторические материалы в письменной форме, которые «изображают вкус и права народа тогдашнего века» (25). Они являются и частью эпохи («остатком», «следом»), и ее отражением. Следовательно, предложенное И.Н. Болтиным понимание термина «источник» близко к современному – своим существованием источник и воспроизводит часть прошлого, и передает информацию о нем.

Сам И.Н. Болтин из скромности не признавал себя настоящим (профессиональным) историком, хотя его научную роль высоко оценивали многие его современники, в частности, А.Л. Шлецер, который дал восторженный отзыв о И.Н. Болтине, признав его «единственным русским историком, кое-что смыслившим в истории своего Отечества» (26).

В конце XIX в. В.О. Ключевский отмечал, что труды И.Н. Болтина не утратили научного значения для исторической науки и через 100 лет. «Поставленные Болтиным вопросы стали после него очередными задачами русской историографии, а высказанные им мысли незаметно проникли в общество и литературу, оторвались от своего источника и безименными каплями затерялись в общественном сознании. У нас нередко повторяют, что впервые сказал Болтин, и очень редко припоминают, что Болтин **первый** сказал это» (выделено нами. – *Авт.*) (27).

В советской историографии вклад И.Н. Болтина в развитие источниковедения получил разную, неоднозначную и не всегда положительную оценку (28). Критику вызывали его политические убеждения (защита монархизма и крепостного права). Однако советские историки не могли не признать, что исторические взгляды И.Н. Болтина (поиск причин исторического процесса, использование сравнительно-исторического метода для обоснования единства исторического развития России других стран) прокладывали дорогу для формирования либерального направления в историографии.

Следует добавить к словам В.О. Ключевского, что источниковедческие замечания И.Н. Болтина не утратили своего значения и на рубеже XX–XXI вв. Конечно, он в своей методологии не выходил из традиционных для XVIII в. рационалистических рамок. Не считая себя профессиональным историком, он во многом повторял мысли В.Н. Татищева и Г.Ф. Миллера, но, тем не менее, в его наблюдениях было много нового, оригинального и ценного. Труды И.Н. Болтина не только отражали состояние исторической науки в России в конце XVIII в., но и способствовали развитию отечественного источниковедения.

Младший современник М.М. Щербатова и И.Н. Болтина, немецкий ученый, Август Людвиг Шлецер (1735–1809) в Россию приехал в 1761 г. по приглашению Г.Ф. Миллера. К этому времени он был вполне сложившимся высокообразованным ученым, знавшим, по его словам, до 15 языков. В 1762 г. он перешел на российскую государственную службу, в 1765 г. стал академиком, в 1767 г. подготовил к изданию упомянутую выше «Русскую летопись по Никоновому списку». Эта работа зародила в нем интерес к русской истории и древнерусским летописям, что отразилось в книге «Probe der russischen Annalen» («Опыт изучения русских летописей», 1768). В 1769 г. А.Л. Шлецер уехал в отпуск и не вернулся в Россию, оставшись работать в Геттингенском университете (1769–1804). Однако он взял с собой все выписки и собранные материалы, что позволило ему и за рубежом заниматься изучением русских летописей.

Главное его творение – исследование о Несторе, авторе Повести временных лет. В 1800–09 гг. оно было опубликовано на немецком языке (Т. 1–5) и в 1800–19 гг. – на русском языке (Ч. 1–3, перевод Дм. Языкова).

Труд А.Л. Шлецера высоко оценили в России. Он был избран почетным членом Общества истории и древностей российских. Император Александр I, которому А.Л. Шлецер посвятил свою книгу, в знак благодарности прислал автору бриллиантовый перстень, а позднее пожаловал орден Св. Владимира и герб с изображением Нестора.

Сочинение А.Л. Шлецера оказало большое влияние на развитие российской исторической науки, и традиционно его источниковедческая концепция рассматривается как неотъемлемая часть отечественной историографии.

Занимаясь изучением Повести временных лет, А.Л. Шлецер не только опирался на достижения своих предшественников, но и высказал множество

идей, повлиявших на складывание терминологического аппарата и методического арсенала отечественного и европейского источниковедения.

Важнейшая заслуга А.Л. Шлецера состояла в том, что он создал первое специальное **источниковедческое исследование**, цель которого состояла в выявлении первоначального текста, т.е. «очищении» текста летописи Нестора от наслоений, внесенных позднейшими переписчиками Повести временных лет (29).

А.Л. Шлецер окончательно ввел в научный понятийный аппарат термины «источник» («Quelle») и «источниковедение» («Quellenkunde»). В русском издании его труда о Несторе термин «источник» соотнесен и с именем, и произведением летописца: «Первый и единственный источник древнейшей русской истории есть Нестор», он «единственный, по крайней мере, главный источник для всей славянской, летской и скандинавской истории...» (30).

А.Л. Шлецер закрепил за понятием «исторические источники» функцию носителей, средств получения информации: из них «*черпают известия*» (31). Таким образом, своим сочинением А.Л. Шлецер подвел итог терминологическим исканиям историков XVIII в.

В.О. Ключевский, оценивая место А.Л. Шлецера в русской исторической науке, заметил: «Начиная с Карамзина и кончая Соловьевым, все русские историографы XIX в. смотрели на Шлецера как на первоучителя, родоначальника своей науки и руководились его приемами» (32). Современные исследователи истории отечественной исторической науки сохраняют высокую позитивную оценку деятельности А.Л. Шлецера (33).

Хотя книга об авторе Повести временных лет была опубликована в начале XIX столетия, результаты работы А.Л. Шлецера всецело принадлежали к XVIII в. (34). Они стали той хронологической гранью, которая подводила итоги эмпирического этапа в развитии источниковедения.

Употребление термина «источник» в отечественной исторической науке второй половины XVIII в. имело спорадический характер и оставалось на интуитивно-эмпирическом уровне. После исследования А.Л. Шлецера термин «источник» вошел в отечественную историческую литературу, хотя необходимость *определения понятия* «исторический источник» еще не была осознана ученым сообществом. Источником считалось **все**, откуда можно получить информацию, т.е. и собственно источник, и труды предшествующих авторов.

Введение термина «исторический источник» в понятийный аппарат источниковедения можно было бы назвать «бархатной революцией» на пути его развития. «Бархатной» – потому, что этот термин входил в науку не насильственно, а в процессе эмпирического поиска дефиниции, которая была бы адекватной всему, что поставляло историкам информацию. «Революцией» – потому, что в этом проявился принципиально новый подход к пониманию задач историков: не только приведение исторических источников в известность (путем публикации и использования их сведений), но и целенаправленное теоретическое осмысление самих основ исторической науки.

Результат произошедших изменений свидетельствовал о том, что источниковедение способно сформироваться в отдельную отрасль исторических знаний, имеющую свою теоретическую систему понятий и категорий, а также комплект своих норм и методических приемов.

Первый этап в разработке теоретических и прикладных проблем источниковедения ознаменовался трудами и концепциями выдающихся историков XVIII в. Они проложили вектор, указавший направление для развития источниковедения в XIX в.

Историки XVIII в. поставили ряд вопросов теоретико-методического характера: обязательность сопоставления источников для проверки достоверности их информации; необходимость сличения источников для выявления текстовых ошибок и исправления искажений; потребность в специальных знаниях для истолкования информации источников. Также были приняты первые попытки решения проблемы классификации исторических источников, но все это – сюжет для следующего исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См.: *Беленький И.Л.* Разработка проблем теоретического источниковедения в советской исторической науке (1960–1984 гг.): Аналитический обзор. – М., 1985. – С. 29–34; *Румянцева М.Ф.* Феноменологическая концепция источниковедения в познавательном пространстве постпостмодерна // *Вестник РУДН. – Сер. «История России».* – 2006. – № 2 (6). – С. 8–14.
- (2) См.: *Словарь Академии Российской.* – СПб., 1794. – Ч. VI. – Стлб. 80.
- (3) См.: *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография до XIX в. – М., 1941; *Очерки истории исторической науки в СССР.* – М., 1955. – Т. I. – Гл. 4–5; *Черепнин Л.В.* Русская историография до XIX в.: Курс лекций. – М., 1957; *Пеитич С.Л.* Русская историография XVIII в. – Л., 1961. – Ч. I; Л., 1965. – Ч. II; Л., 1971. – Ч. III; *Николаева А.Т.* Вопросы историографии русского источниковедения. – М., 1970; *Шапиро А.Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 г. – М., 1993. – Лекции 10–15; *Историки России XVIII – XX вв.* – М., 1995. – Вып. 1; и др.
- (4) См.: *Андреев А.И.* Труды В.Н. Татищева по истории России // *Татищев В.Н.* История Российская. – М.; Л., 1962. – Т. 1. – С. 5–38; *Тихомиров М.Н.* О русских источниках «Истории Российской» // Там же. – С. 39–53; *Рыбаков Б.А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». – М., 1972. – С. 188–191; *Милов Л.В.* Татищевские портреты-характеристики и «Симонова летопись» // *История СССР.* – 1978. – № 6. – С. 17–29.
- (5) См.: *Историография истории России до 1917 г.: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. М.Ю. Лачаевой.* – М., 2003. – Т. 1. – С. 111.
- (6) *Татищев В.Н.* История Российская... – М.-Л., 1962. – Т. 1. – С. 83.
- (7) Там же. – Т. 1. – С. 97, 107, 113–114, 123, 125, 147, 311.
- (8) *Пушкарев Л.Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. – М., 1975. – С. 30.
- (9) См.: *Татищев В.Н.* История Российская... – Т. 1. – С. 321.
- (10) *Миллер Г.Ф.* История Сибири. – М.; Л., 1937. – Т. 1. – С. 162–163.
- (11) См.: там же. – С. 162, 164, 169; *Миллер Г.Ф.* О народах, издревле в России обитавших. – СПб., 1773. – С. 131.

- (12) Историография истории России до 1917 г. – С. 125. См. также: *Джаксон Т.Н.* Герард Фридрих Миллер // *Историки России XVIII–XX вв.* – Вып. 1: Архивно-информационный бюллетень. – № 9. – Приложение к журналу «Исторический архив». – М., 1995.
- (13) Русская летопись по Никоновому списку. – СПб., 1767. – Ч. 1. – С. VIII.
- (14) *Фрейер И.* Краткая всеобщая история. – М., 1769. – [С. VII.]
- (15) На современном уровне развития источниковедения полностью с его определением нельзя согласиться, так как источники не только служат средством передачи информации о прошлом, но и воплощают обстановку, когда они были созданы, и время, когда они функционировали в прошлом.
- (16) См.: *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. – М., 1788. – Т. 1.
- (17) См.: *Федосов И.А.* Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М.М. Щербатов. – М., 1967. – С. 44–68.
- (18) *Щербатов М.М.* Примечания на ответ господина генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории. – М., 1792. – С. 534.
- (19) Термин «исторический источник» появился в «Предисловии» лишь при переиздании «Истории Российской...» в 1901 г. В нем редакторы (И.П. Хрущов и А.Г. Воронов) выделили раздел «Об источниках истории Российской». Эта редакционная вставка отражала состояние отечественной исторической науки в начале XX в., когда термин «исторический источник» не только прочно вошел в понятийный арсенал источниковедения, но и уже в течение полувека историки пытались выработать его дефиницию.
- (20) Цит. по: *Пронштейн А.П.* Источниковедение в России. Эпоха капитализма. – Ростов-н.-Д., 1991. – С. 29.
- (21) *Ключевский В.О.* Лекции по русской историографии // *Ключевский В.О.* Соч.: В 9 т. – М., 1989. – Т. VII: Специальные курсы (продолжение). – С. 210.
- (22) Леклерк Н. Г. (1726–1798) – французский авантюрист, врач по образованию, несколько раз приезжал в Россию в 1759 и 1769 гг. Был знаком со многими аристократами, царским двором и членами императорской фамилии. Екатерининская Россия вызывала большой интерес в Европе. Учитывая популярность российской тематики, Леклерк, опираясь на собственные впечатления и на наскоро собранные материалы, написал и опубликовал во Франции 6 томов о России. Первые три тома содержали более или менее связное изложение русской истории до Петра. Остальные тома под названием «Естественная, нравственная, гражданская и политическая история новой России» включали, по словам В.О. Ключевского, «всякую всячину». Оценивая «сочинение» француза, И.Н. Болтин называл его совершенно ненаучным и неисторическим, похожим на «сельскую лавочку, в которой можно найти и бархат, и помаду, и микроскоп, и медное кольцо». (Цит. по: *Ключевский В.О.* Лекции по русской историографии. Лекция VI // *Ключевский В.О.* Соч. – Т. VII. – С. 212.)
- (23) *Болтин И.Н.* Критические примечания генерал-майора Болтина на первый том «Истории» князя Щербатова. – СПб., 1793. – С. 17.
- (24) *Болтин И.Н.* Примечания на “Историю древняя и нынешняя России” господина Леклерка... – СПб., 1788. – Т. I. – С. 268, 279.
- (25) Там же. – Т. II. – С. 60.
- (26) Цит. по: *Ключевский В.О.* И.Н. Болтин // *Ключевский В.О.* Соч. – Т. VII. – С. 261.
- (27) Там же. – С. 234.

- (28) См.: Николаева А.Т. Вопросы источниковедения и археографии в трудах И.Н. Болтина // Археографический ежегодник за 1958 год. – М., 1960. – С. 161– 186; Никитин А.Л. Метод познания прошлого // Вопросы философии. – 1966. – № 8. – С. 34–44; *Он же*. Болтинское издание Правды Русской // Вопросы истории. – 1973. – № 11. – С. 53– 65; *Он же*. Испытание «Словом...» // Новый мир. – 1984. – № 5. – С. 182 – 206; Валк С.Н. Еще о Болтинском издании Русской Правды // Труды отдела древнерусской литературы. – Л., 1976. – Т. 30. – С. 324– 331; Шанский Д.Н. Из истории русской исторической мысли XVIII в. И.Н. Болтин. – М., 1983; Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. – С. 240– 253; Историография истории России до 1917 г. – Т. 1. – С. 153– 161.
- (29) Шлецер А.Л. Нестор. Русские летописи на древнесловенском языке, сличенные, переведенные и объясненные А.Л. Шлецером. – СПб., 1809. – Ч. 1. – С. 459.
- (30) Там же. – С. 394, 425.
- (31) Там же. – С. 467.
- (32) Ключевский В.О. Лекции по русской историографии. – Т. VII. – С. 230.
- (33) См.: Джаксон Т.Н. Он подготовил развитие исторической науки XIX века: Август Людвиг Шлецер // Историки России XVIII – начала XX в. – М., 1996.
- (34) См.: Черепнин Л.В. А.Л. Шлецер и его место в развитии русской исторической науки // Международные связи России в XVII – XVIII вв. – М., 1966. – С. 186, 187.

«STORES» TO DRAW INFORMATION FROM: NOTION OF «HISTORICAL SOURCE» IN WORKS OF 18th CENTURY RUSSIAN HISTORIANS

N.G. Georgiyeva

Chair of Russian history
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10-1, Moscow, Russia, 117198

V.A. Georgiyev

Chair of Russian history of the 19 – early 20 century
M.V. Lomonosov' Moscow State University
Lomonosovsky Ave., 27-4, Moscow, Russia, 119992

The author considers the process of introduction of the notion «historical source» in the conceptual-terminological system of the historical science in the 18th century. In the first half of the 18th century the word «source» meant the beginning of something. Therefore it wasn't used by historians to designate historical materials, on which their works were based. In 1750 G.F. Muller laid the foundation of the semantic transformation of this notion: «source» is something to draw information from. At the beginning of the 19th century A.L. Schlozer finally assigned the function of information carrier to the notion «source» – everything from which one can get historical information.

Key words: historical source, V.N. Tatischev, G.F. Muller, Kh.A. Chebotaryov, I.I. Golikov, M.M. Scherbatov, I.N. Boltin, A.L. Schlozer, N.M. Karamzin, V.O. Klyuchevsky.